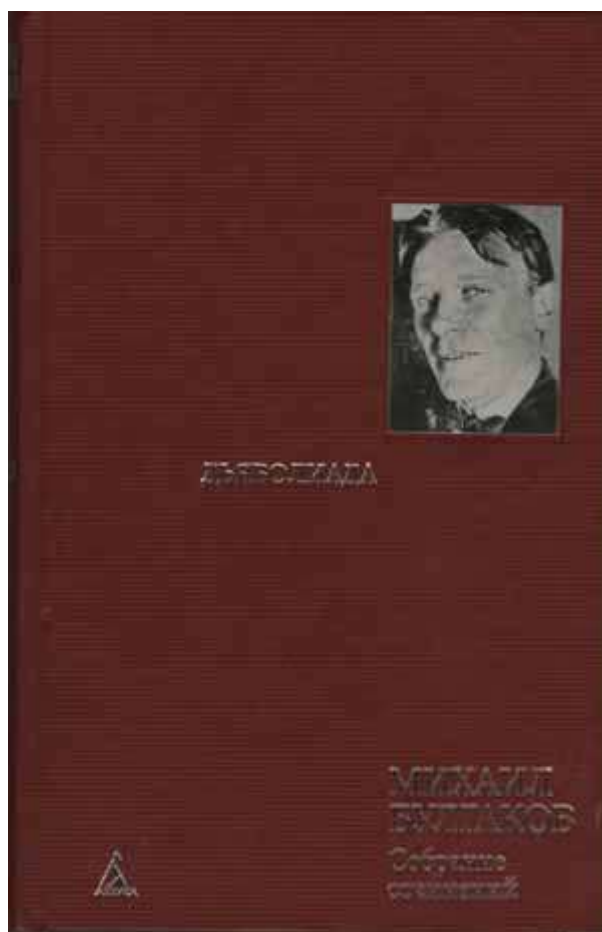

Михаил Афанасьевич Булгаков Похождения Чичикова

*«Т. 3: Дьяволиада: повести, рассказы и фельетоны 20-х годов»: Азбука-классика; СПб; 2002
ISBN 5-352-00139-3; 5-352-00142-2 (т. 3)*

Аннотация

Часто в произведениях Булгакова вся суть задуманного прочитывается в двух-трех начальных фразах, а затем следует лишь детализация. Вот и в повести-гротеске «Похождения Чичикова» достаточно взглянуть на первые слова «Пролога», чтобы увидеть весь трагический смысл этого, казалось бы, чрезвычайно веселого сочинения. Шутник-сатана открыл двери ада, и вся его рать-ватага ринулась в Россию... И что же может произойти со страной, в которой хозяйничают слуги дьявола?

Михаил Афанасьевич Булгаков
ПОХОЖДЕНИЯ ЧИЧИКОВА
Поэма в десяти пунктах с прологом и эпилогом

*– Держи, держи, дурак!¹ – кричал
Чичиков Селифану.
– Вот я тебя палашиом! – кричал
скакавший навстречу фельдъегерь,
с усами в аршин. – Не видишь,
леший дери твою душу, казенный
экипаж.*

ПРОЛОГ

Диковинный сон... Будто бы в царстве теней, над входом в которое мерцает неугасимая лампада с надписью: «Мертвые души», шутник сатана открыл двери. Зашевелилось мертвое царство, и потянулась из него бесконечная вереница.

Манилов в шубе на больших медведях, Ноздрев в чужом экипаже, Держиморда на пожарной трубе, Селифан, Петрушка, Фетинья...

А самым последним тронулся он – Павел Иванович Чичиков – в знаменитой своей бричке.

И двинулась вся ватага на Советскую Русь, и произошли в ней тогда изумительные происшествия. А какие – тому следуют пункты...

I

Пересев в Москве из брички в автомобиль и летя в нем по московским буеракам, Чичиков ругательски ругал Гоголя:

– Чтоб ему набежало, дьявольскому сыну, под обоими глазами по пузырю в копну величистой! Испакостил, изгадил репутацию так, что некуда носа показать. Ведь, ежели узнают, что я Чичиков, натурально, в два счета выкинут к чертовой матери! Да еще хорошо, как только выкинут, а то еще, храни Бог, на Лубянке насидишься. А все Гоголь, чтоб ни ему, ни его родне...

И, размышляя таким образом, въехал в ворота той самой гостиницы, из которой сто лет тому назад выехал.

Все решительно в ней было по-прежнему: из щелей выглядывали тараканы, и даже их как будто сделалось больше, но были и некоторые измененьца. Так, например, вместо вывески «Гостиница» висел плакат с надписью: «Общежитие № такой-то», и, само собой, грязь и гадость была такая, о которой Гоголь даже понятия не имел.

– Комнату!

– Ордер пожалте!

Ни одной секунды не смутился гениальный Павел Иванович.

– Управляющего!

Трах! Управляющий – старый знакомый: дядя Лысый Пимен, который некогда держал «Акульку»², а теперь открыл на Тверской кафе на русскую ногу с немецкими затеями: аршадами, бальзамами и, конечно, с проститутками. Гость и управляющий облобызались, шушукнулись, и дело уладилось вмиг без всякого ордера. Закусил Павел Иванович чем Бог послал и полетел устраиваться на службу.

II

¹ – Держи, держи, дурак!.. – из поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» (т. I, гл. XI).

² ...дядя Лысый Пимен, который некогда держал «Акульку»... – опять-таки персонаж из «Мертвых душ» (т. II, гл. I), державший в деревне кабак под названием «Акулька».

Являлся всюду и всех очаровал поклонами несколько набок и колоссальной эрудицией, которой всегда отличался.

– Пишите анкету.

Дали Павлу Ивановичу анкетный лист в аршин длиной, и на нем сто вопросов самых каверзных³: откуда, да где был, да почему?..

Пяти минут не просидел Павел Иванович и исписал анкету кругом. Дрогнула только у него рука, когда подавал ее.

«Ну, – подумал, – прочитают сейчас, что я за сокровище, и...»

И ничего ровно не случилось.

Во-первых, никто анкету не читал, во-вторых, попала она в руки к барышне-регистраторше, которая распорядилась ею по обычаю: провела вместо входящего по исходящему и затем немедленно ее куда-то засунула, так что анкета как в воду канула.

Ухмыльнулся Чичиков и начал служить.

III

А дальше пошло легче и легче. Прежде всего оглянулся Чичиков и видит: куда ни плюнь, свой сидит. Полетел в учреждение, где пайки-де выдают, и слышит:

– Знаю я вас, скалдырников: возьмете живого кота, обдерете, да и даете на паек! А вы дайте мне бараний бок с кашей. Потому что лягушку вашу пайковую мне хоть сахаром облепи, не возьму ее в рот, и гнилой селедки тоже не возьму!

Глянул – Собакевич.

Тот, как приехал, первым долгом двинулся паек требовать. И ведь получил! Съел и надбавки попросил. Дали. Мало! Тогда ему второй отвалили; был простой – дали ударный. Мало! Дали какой-то бронированный. Сlopал и еще потребовал. И со скандалом потребовал! Обругал всех хриstopродавцами, сказал, что мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет и что есть один только порядочный человек – делопроизводитель, да и тот, если сказать правду, – свинья!

Дали академический⁴.

Чичиков лишь увидел, как Собакевич пайками орудует, моментально и сам устроился. Но, конечно, превзошел и Собакевича. На себя получил, на несуществующую жену с ребенком, на Селифана, на Петрушку, на того самого дядю, о котором Бетрищеву рассказывал, на старуху мать, которой на свете не было. И всем академические. Так что продукты к нему стали возить на грузовике.

А наладивши таким образом вопрос с питанием, двинулся в другие учреждения получать места.

Пролетая как-то раз в автомобиле по Кузнецкому, встретил Ноздрева. Тот первым долгом сообщил, что он уже продал и цепочку, и часы. И точно, ни часов, ни цепочки на нем не было. Но Ноздрев не унывал. Рассказал, как повезло ему на лотерее, когда он выиграл полфунта постного масла, ламповое стекло и подметки на детские ботинки, но как ему потом не повезло и он, канальство, еще своих шестьсот миллионов доложил. Рассказал, как предложил Внешторгу поставить за границу партию настоящих кавказских кинжалов. И поставил. И заработал бы на этом тьму, если б не мерзавцы англичане, которые увидели, что на кинжалах надпись: «Мастер Савелий Сибиряков», и все их забраковали. Затащил Чичикова к себе в номер и напоил изумитель-

³ – *Пишите анкету... сто вопросов самых каверзных...* – Несомненно, Булгаков обыгрывает ситуацию с заполнением анкет при поступлении на работу в Лито Главполитпросвета (см.: Янгиров Р. М. А. Булгаков – секретарь Лито Главполитпросвета // М. А. Булгаков – драматург и художественная культура его времени. М., 1988. С. 227-229). Характерен ответ Булгакова на вопрос: «Ваш взгляд на современную эпоху» – «Эпоха великой перестройки». Между тем в своем дневнике (запись 26 декабря 1924 г.) Булгаков на этот вопрос ответил так: «...нынешняя эпоха, это эпоха сведения счетов...»

⁴ *Дали академический.* – В сохранившихся отрывках дневника писателя за 1922 г. (9 февраля) имеется такая запись: «Мы с женой голодаем... Ученый проф. Ч. широкой рукой выкидывает из списков, получающих академический паек, всех актеров, вундеркиндов (сын Мейерхольда получал академический паек!)...»

ным, якобы из Франции полученным коньяком, в котором, однако, был слышен самогон во всей его силе. И, наконец, до того доврался, что стал уверять, что ему выдали восемьсот аршин мануфактуры, голубой автомобиль с золотом и ордер на помещение в здании с колоннами. Когда же зять его Мижуев выразил сомнение, обругал его, но не Софроном, а просто сволочью.

Одним словом, надоел Чичикову до того, что тот не знал, как и ноги от него унести.

Но рассказы Ноздрева навели его на мысль и самому заняться внешней торговлей.

IV

Так он и сделал. И опять анкету написал, и начал действовать, и показал себя во всем блеске. Баранов в двойных тулупах водил через границу, а под тулупами брабантские кружева; бриллианты возил в колесах, дышлах, в ушах и невесть в каких местах.

И в самом скором времени очутились у него около пятисот апельсинов капиталу⁵.

Но он не унялся, а подал куда следует заявление, что желает снять в аренду некое предприятие, и расписал необыкновенными красками, какие от этого государству будут выгоды.

В учреждении только рты расстепгули – выгода действительно выходила колоссальная. Попросили указать предприятие. Извольте. На Тверском бульваре, как раз против Страстного монастыря⁶, перейдя улицу, и называется «Пампуш на Твербуле⁷». Послали запрос куда следует, есть ли там такая штука. Ответили:

– Есть и всей Москве известна.

– Прекрасно.

– Подайте техническую смету.

У Чичикова смета уже за пазухой.

Дали в аренду.

Тогда Чичиков, не теряя времени, полетел куда следует:

– Аванс пожалте.

– Представьте ведомость в трех экземплярах с надлежащими подписями и приложением печатей.

Двух часов не прошло, представил и ведомость. По всей форме. Печатей столько, как в небе звезд. И подписи налицо.

За заведующего – Неуважай-Корыто.

За секретаря – Кувшинное Рыло.

За председателя тарифно-расценочной комиссии – Елизавета Воробей⁸.

– Верно. Получите ордер.

Кассир только крякнул, глянув на итог.

---

⁵...около пятисот апельсинов капиталу. – В своих фельетонах Булгаков миллион именует «лимоном» (на жаргоне тех и последующих лет). Значит, в данном случае речь идет о миллиардах, эквивалентных «апельсинам».

⁶...против Страстного монастыря... – Страстной монастырь был построен в 1654 г. царем Алексеем Михайловичем во имя Страстной иконы Божией Матери. Хотя монастырь был упразднен в 1919 г., Булгаков почти всю свою жизнь мог любоваться этим красивейшим сооружением (разрушен в 1937 г.).

⁷...«Пампуш на Твербуле». – Булгаков иронизирует над практиковавшимися в то время всевозможными аббревиатурами. «Пампуш на Твербуле» – памятник Пушкину на Тверском бульваре, стоявший прямо напротив Страстного монастыря. В 1950 г. памятник Пушкину был передвинут на устроенную на месте монастыря обширную площадь.

⁸...Елизавета Воробей. – Когда в 1934 г. Булгакову вместе с женой Е. С. Булгаковой было отказано в поездке за границу, он написал печальное письмо В. В. Вересаеву, в котором были и такие строки: «Самые трезвые люди на свете – это наши мхатчики... Вообразите, они уверовали в то, что Булгаков едет. Значит же, дело серьезно! Настолько уверовали, что в список мхатчиков, которые должны были получить паспорта, включили и меня с Еленой Сергеевной. Дали список курьеру – катись за паспортами.

Он покатился и прикатился. Физиономия мне его сразу настолько не понравилась, что не успел он еще рта открыть, как я уже взялся за сердце. Словом, он привез паспорта всем, а мне беленькую бумажку – М. А. Булгакову отказано.

Об Елене Сергеевне даже и бумажки никакой не было. Очевидно, баба, Елизавет Воробей! О ней нечего и разговаривать!»

Расписался Чичиков и на трех извозчиках увез дензнаки.

А затем в другое учреждение:

– Пожалте подтоварную ссуду.

– Покажите товары.

– Сделайте одолжение. Агента позвольте.

– Дать агента!

Тьфу! И агент знакомый: Ротозей Емельян.

Забрал его Чичиков и повез. Привез в первый попавшийся подвал и показывает. Видит Емельян – лежит несметное количество продуктов.

– М-да... И все ваше?

– Все мое.

– Ну, – говорит Емельян, – поздравляю вас в таком случае. Вы даже не миллионщик, а трильонщик!

А Ноздрев, который тут же с ними увязался, еще подлил масла в огонь.

– Видишь, – говорит, – автомобиль в ворота с сапогами едет? Так это тоже его сапоги.

А потом вошел в азарт, потащил Емельяна на улицу и показывает:

– Видишь магазины? Так это все его магазины. Все, что по эту сторону улицы, – все его. А что по ту сторону – тоже его. Трамвай видишь? Его. Фонари?.. Его. Видишь? Видишь?

И вертит его во все стороны.

Так что Емельян взмолился:

– Верю! Вижу... Только отпусти душу на покаяние.

Поехали обратно в учреждение.

Там спрашивают:

– Ну, что?

Емельян только рукой махнул.

– Это, – говорит, – неопишимо!

– Ну, раз неопишимо – выдать ему $n + 1$ миллиардов.

V

Дальше же карьера Чичикова приняла головокружительный характер. Уму непостижимо, что он вытворял. Основал трест для выделки железа из деревянных опилок и тоже ссуду получил. Вошел пайщиком в огромный кооператив и всю Москву накормил колбасой издохлого мяса. Помещица Коробочка, услышав, что теперь в Москве «все разрешено», пожелала недвижимость приобрести; он вошел в компанию с Замухрышкиным и Утешительным и продал ей Манеж, что против университета. Взял подряд на электрификацию города, от которого в три года никуда не доскачешь, и, войдя в контакт с бывшим городничим, разметал какой-то забор, поставил вехи, чтобы было похоже на планировку, а насчет денег, отпущенных на электрификацию, написал, что их у него отняли банды капитана Копейкина. Словом, произвел чудеса.

И по Москве вскоре загудел слух, что Чичиков – трильонщик. Учреждения начали рвать его к себе нарасхват в спецы. Уже Чичиков снял за 5 миллиардов квартиру в пять комнат, уже Чичиков обедал и ужинал в «Ампире»⁹.

VI

Но вдруг произошел крах.

Погубил же Чичикова, как правильно предсказал Гоголь, Ноздрев, а прикончила Коробочка. Без всякого желанья сделать ему пакость, а просто в пьяном виде Ноздрев разболтал на бегах

⁹...и ужинал в «Ампире». – Об этом ресторане для богатых так писал близко знакомый с Булгаковым по Лито и «Гудку» Арон Эрлих: «В Петровских линиях открылся шикарнейший ресторан с музыкой, с ежевечерними представлениями эстрадных танцовщиков, певцов и декламаторов, с самыми лучшими поварами Москвы, с изысканной сервировкой... который могут посещать только не стесняющиеся в средствах валютчики и спекулянты, торгаши и предприниматели, преуспевающие нэпманы...» (Эрлих А. И. Нас учила жизнь. Литературные воспоминания. М., 1960. С. 34). Затем ресторан получил новое название – «Будапешт».

и про деревянные опилки, и о том, что Чичиков снял в аренду несуществующие предприятия, и все это заключил словами, что Чичиков жулик и что он бы его расстрелял.

Задумалась публика, и, как искра, побежала крылатая молва.

А тут еще дура Коробочка вперлась в учреждение расспрашивать, когда ей можно будет в Манеже булочную открыть. Тщетно уверяли ее, что Манеж – казенное здание и что ни купить его, ни что-нибудь открывать в нем нельзя, – глупая баба ничего не понимала.

А слухи о Чичикове становились все хуже и хуже. Начали недоумевать, что такое за птица этот Чичиков и откуда он взялся. Появились сплетни, одна другой зловещее, одна другой чудовищней. Беспокойство вселилось в сердца. Зазвенели телефоны, начались совещания... Комиссия построения – в комиссию наблюдения, комиссия наблюдения – в жилотдел, жилотдел – в Наркомздрав, Наркомздрав – в Главкустпром, Главкустпром – в Наркомпрос, Наркомпрос – в Пролеткульт и т. д.

Кинулись к Ноздреву. Это, конечно, было глупо. Все знали, что Ноздрев лгун, что Ноздреву нельзя верить ни в одном слове. Но Ноздрева призвали, и он ответил по всем пунктам.

Объявил, что Чичиков действительно взял в аренду несуществующее предприятие и что он, Ноздрев, не видит причины, почему бы не взять, ежели все берут. На вопрос: уж не белогвардейский ли шпион Чичиков, ответил, что шпион и что его недавно хотели даже расстрелять, но почему-то не расстреляли. На вопрос: не делатель ли Чичиков фальшивых бумажек, ответил, что делатель, и даже рассказал анекдот о необыкновенной ловкости Чичикова: как, узнавши, что правительство хочет выпускать новые знаки, Чичиков снял квартиру в Марьиной роще и выпустил оттуда фальшивых знаков на восемнадцать миллиардов и при этом на два дня раньше, чем вышли настоящие, а когда туда нагрянули и опечатали квартиру, Чичиков в одну ночь перемешал фальшивые знаки с настоящими, так что потом сам черт не мог разобраться, какие знаки фальшивые, а какие настоящие. На вопрос: точно ли Чичиков обменял свои миллиарды на бриллианты, чтобы бежать за границу, Ноздрев ответил, что это правда и что он сам взялся помогать и участвовать в этом деле, а если бы не он, ничего бы и не вышло.

После рассказов Ноздрева полнейшее уныние овладело всеми. Видят, никакой возможности узнать, что такое Чичиков, нет. И неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы не нашелся среди всей компании один. Правда, Гоголя он тоже, как и все, и в руки не брал, но обладал маленькой долей здравого смысла.

Он и воскликнул:

– А знаете, кто такой Чичиков?

И когда все хором грянули:

– Кто?!

Он произнес гробовым голосом:

– Мошенник.

VII

Тут только и осенило всех. Кинулись искать анкету. Нету. По входящему. Нету. В шкапу – нету. К регистраторше.

– Откуда я знаю? У Иван Григорьича.

К Иван Григорьичу.

– Где?

– Не мое дело. Спросите у секретаря, и т. д. и т. д.

И вдруг неожиданно в корзине для ненужных бумаг – она.

Стали читать и обомлели.

Имя? Павел. Отчество? Иванович. Фамилия? Чичиков. Звание? Гоголевский персонаж. Чем занимался до революции? Скупкой мертвых душ. Отношение к воинской повинности? Ни то ни се¹⁰, ни черт знает что. К какой партии принадлежит? Сочувствующий (а кому – неизвестно).

¹⁰ Чем занимался до революции?.. Отношение к воинской повинности? Ни то ни се... – Если бы сотрудники ОГПУ, осуществлявшие обыск у Булгаковых и допрос писателя в 1926 г., поинтересовались анкетой, заполненной Булгаковым в Лито, то они оказались бы примерно в таком же положении, как и ищeyки Чичикова. На вопросы об участии в мировой войне, в военных действиях после революции, в боях на стороне белых и т. д. Булгаков ответил

Был ли под судом? Волнистый зигзаг. Адрес? Поворотя во двор, в третьем этаже направо, спросить в справочном бюро штаб-офицершу Подточину, а та знает.

Собственноручная подпись? Обмокни!

Прочитали и окаменели.

Крикнули инструктора Бобчинского:

– Катись на Тверской бульвар в арендуемое им предприятие и во двор, где его товары, может, там что откроется!

Возвращается Бобчинский. Глаза круглые.

– Чрезвычайное происшествие!

– Ну!!

– Никакого предприятия там нету. Это он адрес памятника Пушкину указал. И запасы не его, а «АРА».

Тут все взвыли:

– Святители угодники! Вот так гусь! А мы ему миллиарды!! Выходит, теперича ловить его надо.

И стали ловить.

VIII

Пальцем в кнопку ткнули.

– Кульера.

Отворилась дверь, и предстал Петрушка. Он от Чичикова уже давно отошел и поступил курьером в учреждение.

– Берите немедленно этот пакет и немедленно отправляйтесь.

Петрушка сказал:

– Слушаю-с.

Немедленно взял пакет, немедленно отправился и немедленно его потерял.

Позвонили Селифану в гараж:

– Машину. Срочно.

– Чичас.

Селифан встрепнулся, закрыл мотор теплыми штанами, натянул на себя куртку, вскочил на сиденье, засвистел, загудел и полетел.

Какой же русский не любит быстрой езды?!

Любил ее и Селифан, и поэтому при самом въезде на Лубянку пришлось ему выбирать между трамваем и зеркальным окном магазина. Селифан в течение одной терции времени¹¹ избрал второе, от трамвая увернулся и, как вихрь, с воплем: «Спасите!» – въехал в магазин через окно.

Тут даже у Тентетникова, который заведовал всеми селифанами и петрушками, лопнуло терпение:

– Уволить обоих к свиньям!

Уволили. Послали на биржу труда. Оттуда командировали: на место Петрушки – плюшкинского Прошку, на место Селифана – Григория Доезжай-не-Доедешь. А дело тем временем кипело дальше!

– Авансовую ведомость!

– Извольте!

– Попросите сюда Неуважая-Корыто.

Оказалось, попросить невозможно. Неуважая месяца два тому назад вычистили из партии, а уже из Москвы он и сам вычистился сейчас же после этого, так как делать ему в ней было решительно нечего.

красноречивым прочерком. А на самый «популярный» с точки зрения определения неблагонадежности граждан вопрос о социальном положении до 1917 г. Булгаков лаконично ответил: «Студент» (Янгиров Р. С. 228).

¹¹ ...в течение одной терции времени... – Терция – шестидесятая часть секунды.

– Кувшинное Рыло?

– Уехал куда-то на кулички инструктировать губотдел.

Принялись тогда за Елизавету Воробья. Нет такого! Есть, правда, машинистка Елизавета, но не Воробей. Есть помощник заместителя младшего делопроизводителя замзавподотдел Воробей, но он не Елизавета!

Прицепились к машинистке:

– Вы?!

– Ничего подобного! Почему это я? Здесь Елизавета с твердым знаком, а разве я с твердым? Совсем наоборот...

И в слезы. Оставили в покое.

А тем временем, пока возились с Воробьем, правозаступник Самосвистов дал знать Чичикову стороной, что по делу началась возня, и, понятно, Чичикова и след простыл.

И напрасно гоняли машину по адресу: поворота направо, никакого, конечно, справочного бюро не оказалось, а была там заброшенная и разрушенная столовая общественного питания. И вышла к приехавшим уборщица Фетинья и сказала, что «никого нетути».

Рядом, правда, поворота налево, нашли справочное бюро, но сидела там не штаб-офицерша, а какая-то Подстега Сидоровна и, само собой разумеется, не знала не только чичиковского адреса, но даже и своего собственного.

IX

Тогда напало на всех отчаяние. Дело запуталось до того, что и черт бы в нем никакого вкуса не отыскал. Несуществующая аренда перемешалась с опилками, брабантские кружева с электрификацией, Коробочкина покупка с бриллиантами. Влип в дело Ноздрев, оказались замешанными и сочувствующий Ротозей Емельян, и беспартийный Вор Антошка, открылась какая-то панама с пайками Собакевича. И пошла писать губерния!

Самосвистов работал не покладая рук и впутал в общую кашу и путешествия по сундукам и дело о подложных счетах за разъезды (по одному ему оказалось замешано до пятидесяти тысяч лиц) и проч. и проч. Словом, началось черт знает что. И те, у кого миллиарды из-под носа выписали, и те, кто их должен был отыскать, метались в ужасе, и перед глазами был только один непреложный факт: миллиарды были и исчезли.

Наконец встал какой-то дядя Митяй и сказал:

– Вот что, братцы... Видно, не миновать нам следственную комиссию назначить.

X

И вот тут (чего во сне не увидишь!) вынырнул, как некий Бог на машине, я и сказал:

– Поручите мне.

Изумились:

– А вы... того... сумеете?

А я:

– Будьте покойны.

Поколебались. Потом – красным чернилом: «Поручить».

Тут я и начал (в жизнь не видел приятнее сна!).

Полетели со всех сторон ко мне тридцать пять тысяч мотоциклистов.

– Не угодно ли чего?

А я им:

– Ничего не угодно. Не отрывайтесь от ваших дел. Я сам справлюсь. Единолично.

Набрал воздуха и гаркнул так, что дрогнули стекла:

– Подать мне сюда Ляпкина-Тяпкина! Срочно! По телефону подать!

– Так что подать невозможно... телефон сломался.

– А-а! Сломался! Провод оборвался? Так, чтоб он даром не мотался, повесить на нем того, кто докладывает!!

Батюшки! Что тут началось!

– Помилуйте-с... что вы-с... Сию... хе-хе... минутку... Эй! Мастеров! Проволоки! Сейчас починят!

В два счета починили и подали.

И я рванул дальше:

– Тяпкин? М-мерзавец! Ляпкин? Взять его, прохвоста! Подать мне списки! Что? Не готовы? Приготовить в пять минут, или вы сами очутитесь в списках покойников! Э-э-то кто?! Жена Манилова – регистраторша? В шею! Улинька Бетрищева – машинистка? В шею! Собакевич? Взять его! У вас служит негодяй Мурзофейкин? Шуллер Утешительный? Взять!! И того, кто их назначил, – тоже! Схватить его! И его! И этого! И того! Фетинью вон! Поэта Тряпичкина, Селифана и Петрушку в учетное отделение! Ноздрева в подвал... В минуту! В секунду!! Кто подписал ведомость? Подать его, каналью!! Со дна моря достать!!

Гром пошел по пеклу...

– Вот черт налетел! И откуда такого достали?!

А я:

– Чичикова мне сюда!!

– Н... н... невозможно сыскать. Они скрымшились...

– Ах, скрымшились? Чудесно! Так вы сядете на его место.

– Помил...

– Молчать!!

– Сию минуточку... Сию... Повремените секундочку. Ищут-с.

И через два мгновения нашли!

И напрасно Чичиков валялся у меня в ногах, и рвал на себе волосы и френч, и уверял, что у него нетрудоспособная мать.

– Мать?! – гремел я. – Мать?.. Где миллиарды? Где народные деньги?! Вор!! Взрезать его, мерзавца! У него бриллианты в животе!

Вскрыли его. Тут они.

– Все?

– Все-с.

– Камень на шею – и в прорубь!

И стало тихо и чисто.

И я по телефону:

– Чисто.

А мне в ответ:

– Спасибо. Просите, чего хотите.

Так я и взметнулся около телефона. И чуть было не выложил в трубку все сметные предположения, которые давно уже терзали меня: «Брюки... фунт сахару... лампу в двадцать пять свечей...»

Но вдруг вспомнил, что порядочный литератор должен быть бескорыстен, увял и пробормотал в трубку:

– Ничего, кроме сочинений Гоголя в переплете, каковые сочинения мной недавно проданы на толкучке.

И... бац! У меня на столе золотообрезный Гоголь!

Обрадовался я Николаю Васильевичу, который не раз утешал меня в хмурые бессонные ночи, до того, что рывкнул:

– Ура!

И...

ЭПИЛОГ

...конечно, проснулся. И ничего: ни Чичикова, ни Ноздрева, и, главное, ни Гоголя...

«Эх-хе-хе», – подумал я себе и стал одеваться, и вновь пошла передо мной по-будничному щеголять жизнь.

ПОХОЖДЕНИЯ ЧИЧИКОВА

Поэма в десяти пунктах с прологом и эпилогом

Впервые – «Литературное приложение» к газете «Накануне» (1922. № 19. 24 сентября). С подписью: «Михаил Булгаков».

При жизни писателя повесть переиздана в газете «Бакинский рабочий» (1922. 9 октября) и в сб.: *Булгаков М. Дьяволиада*. М.: Недра, 1925; то же, 1926.

Печатается по сб.: *Булгаков М. Дьяволиада*. М., 1926.

Часто в произведениях Булгакова вся суть задуманного прочитывается в двух-трех начальных фразах, а затем следует лишь детализация. Вот и в повести-гротеске «Похождения Чичикова» достаточно взглянуть на первые слова «Пролога», чтобы увидеть весь трагический смысл этого, казалось бы, чрезвычайно веселого сочинения. Шутник-сатана открыл двери ада, и вся его рать-ватага ринулась в Россию... И что же может произойти со страной, в которой хозяйничают слуги дьявола?

«Пролог» к этому сочинению важен еще и потому, что является своеобразным ключом, с помощью которого можно открыть сокровищницу, хранящую все творческое наследие Булгакова.